

Джеймс

Тороцин Роман

Роман Владимирович Тороцин

Джеймс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68876172

SelfPub; 2024

Аннотация

Было интересно попробовать переосмыслить фабулу рассказа "Джим" и написать всё тоже самое, но в другой стилистике. На этот раз – "кровавый роуд-муви")))). На Землю обрушилось космическое облако и уничтожило всё разумное. В живых остался лишь участник рискованного эксперимента по имени Джеймс. Ему предстоит преодолеть путь до Цитадели, где могли спастись избранные... А кругом новый мир – полный ужаса и смертельных опасностей...

Роман Торощин

Джеймс

Джеймс открыл глаза. Чуть встряхнул головой, сбрасывая мелкие осколки то ли штукатурки, то ли былой невозвратной жизни. В ушах – гул, в глазах – туман. Может это было одно и тоже явление, просто разными органами чувств оно воспринималось по-разному.

Он нетвердыми руками оперся на подлокотники и встал со своего прокрустова ложа. «А кто-то не встал», – подумал он.

Да, далеко не каждому суждено было пережить эту волну или как её назвали ученые – нулевой импульс. Но он пережил, значит лекарство сработало. Ну или по крайней мере хоть как-то уберегло, значит, шанс есть...

Странный выплеск энергии астрономы заметили около полугода назад.

В тот день Хаббл обнаружил в межзвездном пространстве облако пустоты. Абсолютной пустоты. Ноль по всем спектрам. И этот ноль со скоростью света несся в сторону Земли.

Как только новость стала достоянием общественности, тут же всё информационное пространство заполнилось гипотезами и прогнозами. Основными спикерами были певцы и бьюпти-блогерши. Версии были под стать экспертам – от тай-

ного оружия инопланетной цивилизации, до облака лепестков космической сакуры, несущей омоложение и благодать.

Ученые же хранили немногословие, к тому же их мнение широкой публике было не столь интересно.

Немногословие не означало немногоедействие. Но с каждым днем оптимизма у них убавлялось.

Исследуя те небесные тела, которые прошли через горнило этого странного облака, выяснилось, что ничего хорошего не происходит. Что-то полностью разрушается, что-то находит в себе силы сопротивляться воздействию, но так или иначе от первично ударного эффекта страдает всё. Ну это не совсем ударный эффект, это как вакуумная бомба. Облако вытесняет все волны, а потом уходит, и эту образовавшуюся спектральную яму заливают с верхом. И, как всегда, был нюанс...

Дело в том, что человечество за время своего существования каким-то образом сумело вытеснить из земного спектра некоторые негативные для себя диапазоны волн. Видимо, они как-то противоречили ходу эволюции и были несовместимы с разумной жизнью. Но эти волны никуда не делись, они кружат в космосе, как вороны, ожидая своего часа. И вот он наступает...

Как только облако проведет влажную уборку и оставит после себя сияющую пустоту, эти невидимые и озлобленные изгнанием синусоиды, бросятся во все щели.

А это значит, никаких больше хомосапиенсов...

Чтобы решить этот смертельно-волнистый вопрос, ученые решились на эксперимент, не имеющий под собой никакой гуманности на первый взгляд. Они создали несколько вариантов вакцин, которые бы помогли человеческому организму справиться с грозящей опасностью и гармонично влиться в новый поток излучений. Проблема тут в том, что модифицированное тело, возможно, и подстроится под Новый День, а вот какие изменения произойдут с мозгом – на этот вопрос у ученых не было ни догадок, ни предположений.

Была создана экспериментальная группа добровольцев. Каждому из них вкололи свою разновидность препарата. Вкололи заранее, чтобы отсеять изначально смертоносные варианты. Джеймсу повезло. Он не умер сразу. Хотя первые два дня он мечтал об этом. Физической боли не было, тело приняло микстуру, как вакцину – небольшой насморк, небольшой кашель. Это зафиксировали наблюдающие врачи, а сам Джеймс этого даже не заметил. Мозг и разум у него смешались воедино – и это было похоже, будто в черепной коробке готовят фарш, соля, перча, добавляя зелени и месят всё это невидимыми холодными нечеловеческими ногами...

Лишь на третий день Джеймс сумел вымолвить хоть что-то осознанное и поделиться своим состоянием. Врачи не ожидали таких побочных эффектов, поэтому, не зная, как облегчить страдания, пошли старинным путем – загасили пламя морфином. Это не решило проблему, но позволило

хотя бы забыться. Сколько Джим провел в грязных грезах – он не имел представления. И сам момент прохождения Земли сквозь нулевое облако он тоже проспал. В первые секунды пробуждения он шарил глазами, как тонущий шарит по волне, желая уцепиться за нее. Именно поэтому все и тонут. Надежда на иллюзию – это бич человечества. И лишь те, кто сумели осознать, что волна – это не поручень, ее не сжать в кулаке, лишь расправив ладонь, можно опереться на воду, только те и выживают.

Инстинктивно осознав это, Джеймс просто встал, не ожидая помощи ни от кого.

Штукатурка осыпалась и стояла столбом мелкой крошки в воздухе, как бы подталкивая выйти на улицу, чтобы сделать глоток чистого воздуха. Лишь открывая дверь и щурясь на белесый свет, он понял, что беззащитен, что стен нет и излучения уже в нем.

Вот он – апокалиптический выход из зоны комфорта.

Джеймс замер, прислушиваясь к ощущениям, пытаясь распознать среди них первую ноту реквиема. Глаза щипало, в голове гудело, живот сокращался какими-то внутренними судорогами, но смерть не приходила. Что-то светлое и спасительное, как будто дым костра на голубом безбрежном океанском горизонте, зашевелилось в его душе.

В этот момент соседняя дверь распахнулась, и из нее на свет вышел скелет, обтянутый тонкой сетью нервных окончаний. Серый кисель мозга просматривался у основания че-

репа и яблоки глаз вертелись будто намагниченные шарики трепещутся меж железных оков. Это не было ходьбой или осознанным передвижением. Нервы, хаотично пропуская сквозь себя импульсы, каким-то образом сокращались, приводя в движение сам костный остов. А почему они сокращались? От боли. Это даже болью не назвать. Даже в преисподней не додумались бы до такого. Только представьте – каждый нерв оголен. Каждый! И этот пылающий страданием скелет, увидев Джеймса, метнулся в его сторону, но нелепо рухнул навзничь. Было видно, что он пытается подать какой-то знак или что-то сообщить... Конвульсии усилились, череп чуть сдвинулся с места и один глаз чудаковато вывернулся. Скелет весь затрясло. Вдруг он обмяк и замер. Джеймс, аккуратно переступая, будто индеец, начал подходить к нему, ведомый любопытством. И вот уже вблизи он сумел внимательно рассмотреть этого прежде человека. Было очевидно, что это кто-то из участников эксперимента. И почему с ним такое произошло? Видимо, формула его вакцины была направлена на сохранение нервной системы... Ну что ж – ученые со своей задачей справились... Внезапно скелет будто прострелила какая-то внутренняя молния и конвульсии вновь продолжились, и глаз скелета, почти вылетевший из глазницы от непрекращающейся тряски, уставился на Джеймса. И Джеймс наконец-то понял, чего так ждали от него эти останки. Он обвел всё еще мутным взглядом периметр, подобрал увесистый, но удобно лежащий в ладони ка-

мень, сел на колени перед скелетом, и слегка прицелившись, разmozжил черепную коробку...

Одно глазное яблоко повисло на нервных волокнах, а второе вылетело, будто шарик в пинболе, побилось об близлежащие преграды, набрало кучу очков и прикатилось обратно, всё в пыли и уже навечно несомкнутое.

Чуть позже, встав на ноги и пройдясь пару неосознанных шагов, Джеймс понял, что до этого никогда никого не убивал. Только насекомых (рыбы не считается, они засыпали).

Но можно ли это было назвать убийством. Ведь лишение жизни в аду – это ближе к дарованию вечной светлой жизни?

И тут, будто игла в мозг – а я-то каков сам? Началась паника. Зеркало найти было невозможно, как и уцелевшее стекло. В двух шагах меж разорванных тряпок и башмака блеснула черная лужица. Джеймс зажмурился и со страхом навис над ней. Как первую стопку водки, как прыжок с обрыва в омут – он раскрыл глаза и уставился в черную гляцевую гладь. Ожидания не оправдались – он был всё такой же. По крайней мере, насколько лужа позволяла разглядеть. В последствии он догадался, что эти лужи в рамке тряпок и ботинок, это то, что осталось от людей определенно состава...

У всех была своя участь...

Джеймс решил вернуться на исходную точку. Там рядом со своей кушеткой он нашел упакованный вещмешок, набор ампул и шприцов и листок с координатами и указаниями.

Этот нехитрый набор был около каждой койки участника

эксперимента.

Дело в том, что выживший должен был добраться до подземной базы, где схоронились избранные. И таким образом доставить им спасение. Доказанное и апробированное.

В том уже далеком прошлом, где без вести пропали пустотелые человеческие беззаботности, где мир жил, не подозревая о неминуемом грядущем обнулении, в те времена Джеймс был рядовым гением. Он трудился умом, а чуть тонкие пальцы превращали его мысли в короткие печатные слова, которые потом красовались на глянцева́й бумаге, убеждая человекoв принимать кому-то нужные решения. Он работал вынуждальщиком. Труд доставлял ему не сколько удовольствия, сколько позволял оттачивать перо, чтобы тихими ночами писать длинные фразы, что складывались в чудачковатые картины его внутреннего бытия. Мысль о том, что это найдёт своих читателей, не тешила его. У него был Читатель. Она. Любимая. БОльшого ему и не нужно. Бывало, он выходил на кухню, где Она по-утреннему теплая с влажными волосами, что своенравно и упрямо завивались, в легком серебряном халате мечтательно пила из прозрачного на свет фарфора, свой кофе. И на пустую десертную тарелку вместо пирожного он клал листок, исписанный его опережающим мысль подчеркиком. Его "нестихи" (так он это называл) были сродни изысканным сладостям. Будто эклер – ладные и ароматные, аппетитно лежащие в руке, но стOит надкусить, как

музыка слов, будто заварной крем, растекалась по душе и хотелось, закрыв глаза, растирать каждую букву по небу.

Они не были молоды. Но это лишь придавало глубины их чувствам. Ушла суета и осталось нежность в каждом взгляде, в каждом совместном дыхании.

Жизнь текла как одно большое "Сегодня". Им не требовалось "Завтра". Но "Завтра" наступило...

Джеймс не был глупцом или алчущим. И тем самым он приобрел много влиятельных друзей, которые часто обращались к нему за советом, зная, что не придется ежиться, торгуясь и виляя информацией, как хвостом.

И вот одним непогожим вечером Джеймс пришел на назначенную встречу в тихое кафе. Тяжелые коричневые кресла, маленькие столики, низкие плафоны, которые будто укутывают собеседников спасительным столбом мягкого света. Густые облака запаха кофе и дорогого алкоголя были приятны и теплы, как шерстяной плед на веранде дождливым вечером.

Но информация, прозвучавшая шепотом, в этой прибалтийской атмосфере была как злой ветер, сметающий фанерные пороссячи домики.

"— ...Ты хочешь сказать, что шансы выжить минимальны?!"

— Да, прогноз не утешителен.

— А как же все эти версии о благополучном исходе?!"

— А ты что хотел, чтоб мы сказали правду, и началась па-

ника? И никакого облака не надо, человеки сами все тут разрушат и поубивают друг друга заранее.

– И что, вообще нет выхода?

– Для тебя есть...

– То есть для меня?

– Мы разработали план... Он не идеален. Те, кто в системе, те укроются в надежных, ну насколько это возможно, убежищах. Мы там не можем сидеть вечно. Нам понадобится какой-то способ сосуществования с новыми реалиями. Мы разрабатываем целую линейку антидотов. Но какие из них сработают – мы не можем даже предположить. Поэтому мы набираем добровольцев в эту программу. Да, это смертельно опасно, да, шансы на успех не прогнозируемы. Но помимо высокой патетической цели есть еще и один повод, и он, я думаю, тебя убедит... Каждый доброволец получает одно место в спасительном бункере. Не для себя, понятно. Для другого человека. Рискуя сам, ты спасешь Её.

– ... Да, я согласен. Когда?

– Скоро. Я сообщу. Будь на связи..."

Когда Джеймс пришел домой, она уже спала. На прикроватном столике лежала толстая книга с закладкой из прошлогоднего кленового листа, лампа под зеленым абажуром тускло светилась в мягкой полудреме спальни, по потолку егезили редкие лучи дальних автомобильных фар... Трещина безжалостно расплзалась по миру. Он сам ее принес в

своем сердце сюда, в свое безмятежное прошлое. Уже прошлое...

Джеймс присел на кровать. Она спала, будто лежала на облаке. Тихо и сладко. Так спят дети или очень любимые. Он поправил непослушную прядь волос, укрыл мерцающее плечико одеялом, и чуть коснулся губами виска, вдыхая аромат ее сна... Как в последний раз. В последний раз. Он решил ей ничего не говорить, он не дал ей выбора...

Через несколько беспокойных и замкнутых дней прозвучал звонок... Как кинжал в сердце. Джеймс почувствовал его за долю секунды.

– Да?

– Через час на вокзале. Вас встретят. Провожай и приезжай в лабораторию.

И тишина... Тишина, как гром... Секунды, как вечность... Он тяжелыми пальцами набрал ее номер.

– Любимая, слушай меня внимательно, слушай и не перебивай. В шкафу лежит сумка зеленая, бери ее и приезжай на вокзал. У тебя есть 57 минут. Никаких вопросов, никаких звонков. Просто прямо сейчас встаешь и выходишь. Такси ждет у подъезда.

– Хорошо...

Они встретились на привокзальной площади. Она была собрана, но в глазах была пелена подбирающихся слез.

– Здравствуй, родная.

– Что случилось? – эта фраза не сразу родилась, первая

попытка провалилась, внезапная хрипота не дала произнести слова, будто из-под ноги осыпался предательский гравий на скользком горном склоне.

– Вон там стоит поезд. Надо в него сесть.

– Что случилось?

– Пока ничего, и надеюсь, ничего и не случится, но лучше подстраховаться.

– Хорошо. Точнее, не хорошо... Что за спешка, почему одна сумка?

– Родная моя, послушай, – он взял ее милое лицо в ладони, – послушай. Ты сейчас сядешь в поезд, тебя отвезут в очень надежное место. Я приеду... Я приеду другим путем...

– Почему ты не едешь со мной?

– У меня очень важное дело осталось. Я всё доделаю и приеду к тебе. Я не могу сейчас тебе всего объяснить, прости.

Слезы текли по ее щекам, казалось, что она их даже не замечает...

– Ты приедешь? Ты меня не обманываешь?

– Я тебя люблю больше жизни! Я приеду! Обещаю! Ты только очень жди! Я не буду врать – мне будет нелегко, но твоя любовь меня защитит, я знаю. Ты только люби меня, ты только верь... Иди, родная, иди. И не оглядывайся. Прошу тебя...

Поезд тронулся, вырываясь из перронной толпы... И осталась лишь пустота и рельсы...

Кто-то заботливо, но настойчиво положил ему руку на плечо.

– Тебя ждут в лаборатории.

В голове не переставал гудеть туман. Но Джеймс постепенно привыкал к этому новому состоянию. Вернувшись к своей многострадальной койке, он решил внимательнее осмотреть полагающийся ему вещмешок.

Набор инструкций, карта в ламинированной защите. Какой-то чехол, видимо, с палаткой. Консервы, аптечка с таблетками и набором одноразовых шприцов со спасительным препаратом, складной мультитул – там и лопата, и тесак, и топор, и еще всякие железные мелочи на все случаи не только жизни. По боковым карманам были распиханы компас, фляга, огниво... Дальше он не стал уже смотреть. Понятно, что этого не хватит на весь путь, потому, какая уже разница...

На улице до этого стоял сентябрь... Прежде Джеймс очень любил эту пору, но сейчас наступило безвременье и стерло все приметы осени. Все стало серым. Сам воздух приобрел этот оттенок. Пожухлая трава, листва... Стены и то стали будто мягкими, как тухлые овощи.

Смысла задерживаться в этой обители боли и ужаса не было. Джеймс накинул куртку. Только сейчас он обратил внимание, что на всей его одежде, был пришит шеврон с номером. Это был номер вакцины, который ему вкололи. Его но-

мер был 9. "Последняя жизнь" – с какой-то обреченной иронией подумал он. Рюкзак оказался довольно увесистым, но удобным. "Всё для людей... Ну, с Богом"...

Мир хрустел под ногами – земля была усеяна жестким серым пеплом, который, как скорбный снегопад, кружа, осыпался на голову...

Точкой А в его маршруте значился забытый полустанок на окраине города. Он шел сквозь пустоту знакомыми переулками. И только время от времени попадались черные вязкие лужи на асфальте, вытекающие из остатков одежды.

Чтобы хоть как-то, хоть чем-то занять мозг, он начал отстранённо, как ученый препарирует мышь, рассуждать, чем эти люди заслужили такую жидкую участь? Возможно, это было генетически обусловлено, возможно, их колебания и внутренние волны были ближе к аморфности, чем к пеплу... Его мысли отвлек внезапный звук, похожий на тихий лай. Быть не может? Он огляделся. Звук шел из-под развала какой-то деревянной тары. Разбросав поддоны, балки и ящики, Джеймс обнаружил смиренно сидящего в спасительной нише щенка. Пес вылез на свет, завилял хвостом и благодарно прижался к ноге.

У Джеймса никогда не было домашних животных. Он не решался. По многим причинам. Кошек он не любил за их независимость, собак за пустое подобострастие, не имеющее практического применения. И главное, он боялся пережить того, кому посвятит свою заботу. В любовь животных он не

верил. У каждого свои заблуждения...

– Э.. привет. Как ты выжил, счастливчик?.. И что мне делать с тобой?..

Собака села, задрала голову и смотрела на него.

– Ну, хорошо – Джеймс снял рюкзак, достал из уже открытой пачки сухой крекер, разломил пополам и протянул псу. Собака обнюхала и жадно съела предложенный кусок. Джеймс протянул ей вторую половину. Щенок было ринулся съесть, но потом оступился и отвернул голову. Показалась, что собака стесняется взять оставшуюся еду, потому что всё надо делить поровну. Джеймс сделал вид, что откусил и вновь предложил печенье псу. В это раз щенок с удовольствием съел лакомство.

– Ну что ж.. мне пора.

«Девятый» встал, накиннул рюкзак. Собака ждала.

– Э... Пойдешь со мной?

Пес тут же подбежал. Джеймс потрепал его по голове. И они двинулись, оставляя лунные следы на припорошенной земле.

Глазницы окон смотрели на происходящее как-то сквозь. Будто их интересовало что-то совсем иное, где-то на другом уровне метафизики... Но тем не менее, Джеймсу было не по себе, как человеку с паспортом, но в оккупированном вежливыми врагами городе. Собака же не рефлексировала по этому поводу. Она сосредоточенно шла рядом, охраняя нового

хозяина.

В венах у Джеймса редел строй спасительного лекарства, и от этого в голове начинался песчаный шторм, огненный шторм. Чертовы качели вертели солнышко. И было непонятно, то ли надо продолжать ходить по небу, то ли пора уже взлететь на землю. Ноги стали подкашиваться, суставы выламывала какая-то внутренняя злая сила.

Умостившись в трещине между двух безумий, Джеймс трясущимися и непослушными руками достал шприц и всадил его в ногу. Холодная испарина покрыла его лоб. Слабость, как мокрый песок после отлива, рассыпалась по телу... Пес кружил рядом, не понимая, как он может помочь.

– Всё, всё, всё нормально... Пошли дальше...

Походка стала слегка неподконтрольной, но компас не сбился. До пункта А оставалось несколько кварталов, там можно передохнуть и набраться сил...

Небольшой железный ангар с маленькой дверкой сбоку и большими рельефными воротами по фронту, из-под которых как-то украдкой выползали заржавелые от забытья рельсы. Выползали и скрывались за поворотом, заматавая след проросшими репейниками и калиной. Боковая дверь была заперта на висячий замок, который сразу распахнул свою незапертую подкову. Внутри пахло иллюзией прошлого. Масло, уголь и пивной алюминиевый запах. Под ногами хрустел мелкий гравий. Пес проверочно гавкнул. Звук оказался очень плоским, без эха. В полумраке едва различа-

лись угловатые предметы. Джеймс почти наощупь пробрался к воротам, не имея представления, как их открыть. Вытащив из всеоключающего рюкзака механический фонарик, он несколько раз с силой сжал рукоять динамо-машины. Жужжание с секундной задержкой переродилось в тусклый свет. Луч выхватил систему шестеренок и цепей рядом с воротами. Большой рычаг нехотя согласился принять участие в процессе, дал ленивую команду и ворота со скрежетом отворились. Дневной свет выкрал у полумрака центральную часть пространства. Этого было достаточно, чтобы увидеть закрытую брезентом дрезину, стоящую на истоке рельсов. На удивление, она оказалась новой, даже можно сказать современной. Легкая, не больше 50 килограмм, конструкция была оснащена педальным приводом. Было удобное кресло, на корме и на носу багажные отделения. По контуру стойки для тента на случай непогоды. Джеймс уселся на водительское место и растеряно огляделся. Он не имел ни малейшего представления об этой технике. Все его познания в механике были эмпиричны и бессистемны. "Разберемся", – без энтузиазма подумал он. Забросив на задний багажник вещмешок, он принялся натягивать тент, чтобы быть заранее готовым к превратностям погоды. Он всегда старался решить проблемы до их появления. Любовь к математике, к логике плюс послушные руки давали в сумме что-то похожее на мастеровитость. Тент оказался очень удобным, с прозрачными вставками, заменяющие окна, с массой внутрен-

них карманов и даже с обогревателем, который, подключаясь к педальному приводу тонкой сетью вшитых проводов, позволял поддерживать внутри получившейся кабины вполне комфортную температуру. Благо, инструкция, объясняющая все эти тайные предназначения, прилагалась. Наполнив из ржавого крана все емкости водой и наспех перекусив сухпайком, официально разделив его с собакой, Джеймс засел за карту. Ему предстояло преодолеть на дрезине около двух с половиной тысяч километров, потом в условленном месте пересечь на лодку, и сплавиться еще около 200 километров по реке. Там ждал его охотничий домик, где нужно было перезимовать. А потом с наступлением тепла пройти по северным корявым лесам с обманчивыми заячьими тропами оставшееся расстояние до секретной цитадели.

На первый взгляд, маршрут выглядел надуманным. Но поразмыслив, Джеймс согласился с его логичностью. Дело в том, что любая вакцина должна была пройти испытание временем и условиями. И эти полгода странствий служили частью медицинского эксперимента, скажем так, первобытными клиническими испытаниями. Что ж, на кону было ни много ни мало – судьба нового человечества. Так что эта процедура была полностью оправдана с медицинской точки зрения. Подопытный кролик должен был стать опытным кроликом.

Джеймс решил себя считать нулевым человеком – это больше подходило к его самомнению.

Главное – успеть до холодов, чтобы не подвергнуть спасительную человеческую колбу глупой смертельной опасности, которая пряталась за банальной болезнью в беспомощности.

Оставив в ангаре склонность к предугадыванию проблем, Джеймс, как в омут, шагнул на дорогу непредсказуемой неизвестности...

Еще раз оглядев свой дилижанс, скорее картинно, нежели с практической точки зрения, «Девятый» вытолкнул дрезину на божий свет. Запах депо сменился пустым и водянистым воздухом действительности. Усадив пса на кресло, он еще раз уперся в металлические бока таратайки, сделал несколько упругих шагов, перешел на полубег и запрыгнул в послушную законам инерции машину. Все нехитрые приборы и устройства имели исключительно механическую природу, так как разработчики предугадали предательство электричества, которое сбежало, стоило лишь Облаку приближаться к Земле.

Вся конструкция была похожа на перегруженный велосипед. Был рычаг переключения скоростей, были фары, был даже спидометр, который фиксировал как скорость, так и пройденный путь. И был таймометр, который педантично фиксировал прожитое время, беспристрастно отбирая секундной стрелкой настоящее. Смеркалось. Но спать не хотелось, хотелось быстрее начать путь, чтоб быстрее он закончился. Глупо, когда впереди 20 миллионов секунд, обращать внимание на первые мгновения. Но Джеймс владел искус-

ством маленьких шагов, шагов-лилипутиков.

И это был важный для него момент – момент зарождения... Предстояло как-то систематизировать надвигающуюся, точнее уже наступившую, неизвестность. Здесь как никогда очень подходил принцип женской логики, который заключался в том, что при наличии проблемы, её надо разложить на сотню маленьких составляющих, и тогда сама проблема исчезнет, потеряв целостность.

Первым делом надо было выработать суточный оптимум время-километров. Торопиться надо не спеша. Организм не был молод, поэтому 8 часов ежедневного продвижения было достижимо. По его расчетам это получалось километров 200. Звучало довольно самоуверенно, но ставить перед собой минимальные требования не соответствовало его характеру. Конечно, еще предстояло проверить эти выкладки на практике. Тем временем ночь заползла за шиворот, и мир весь сузился до дрожащего пятна мутного желтого света, в котором мелькали редкие кусты и ржавые, но вечно параллельные рельсы. Однообразность движений и скупость картинки погружали Джеймса в некое медитативное состояние, и это было во благо. Потому что мысли отнимали бы силы и порождали бы сомнения. А там и до отчаянья не далеко. Пес доверчиво дремал на лапах, придавая ситуации иллюзорность обыденности. «Девятый» ехал на восток, ускоряя приход рассвета...

Солнце безлучно вошло где-то за низкими тучами, не давая тепла. Мягкие окна покрылись росой. Джеймс свернул их, выпуская в кабину утреннюю колючую прохладу. По бокам мелькали сиротливые и немые рощи. Спидометр держался на отметке 20. Между прошлым и настоящим пролегло 180 километров. Пора было выбрать подходящее время для первого привала.

Сверившись с картой и вычислив приблизительно своё месторасположение, Джеймс решил дотянуть до близлежащей безымянной речушки, которая голубым пунктиром пересекала его однопутную дорогу через несколько километров. И как только мозг узнаёт о приближающемся финише, он тут же подготавливает тело к саботажу. Эти тысячи метров достались неумелому, но упертому путешественнику большой кровью...

Первые шаги по осенней земле были похожи на шаги деревянного человека, вернувшегося из космоса.

Чуть позже кровь хлынула в конечности, и всё наладилось, как на коммунальной кухне. Без обид, но с осадком недоверия.

В воздухе появились лужи запахов. Казалось, что вот-вот зачирикает затерявшаяся в складках апокалипсиса птица. Но было тихо.

Джеймс снял с дрезины пса, который молча вилял хвостом. «Девятый» стянул рюкзак и волоком потащил его к пригорку, поросшему рябинами и осинами. Извлеченная па-

латка имела вид смятой обшивки космического корабля. Для новичков в походном деле наглядная инструкция объясняла простые шаги по приданию всей этой груде ткани и штырей устойчивой и жилой формы. Всё оказалось довольно несложно, и буквально через 10 минут усердного сопения у путешественников появилось пристанище. Внутри была даже встроенная печь из того же огнеупорного материала. "Вот до чего наука дошла! Смотри – мягкая печь. Давай опробуем?" – собака не очень поняла, что от нее требуется, но выказала готовность разделить любое начинание.

Джеймс прошелся по пролеску и набрал с десятков сухих и крепких веток. Поломав их об колено, он аккуратно сложил дрова внутрь печи, боясь всё же проткнуть тонкие стенки. Но его опасения оказались напрасными – ткань была прочна и надежна. Вспоминая обрывки каких-то документальных фильмов об отважных любителях одиноких путешествий, он настрогал тонких стружек, разбавил их сухим мхом и начал высекать огнивом искры. Всё получилось, тонкий язычок пламени вырвался из клубков белого дыма. Зачем-то ограждая ладонью родившийся огонь, "Девятый" занес его, как рождественский подарок, в печь.

Огонь затрещал, пристраиваясь на боках поленьев. Потянуло дымом и сырым теплом. В полу палатки было два надуваемых матраса и встроенный ножной насос. "Всё для человека" – опять прокряхтел Джеймс, наполняя воздухом оба спальных места. Зачем оба? Видимо, как символ надежды.

Обустроив быт, «Девятый» по-деловому вышел осмотреть окрестности. Как барин на новые поля. Метрах в двадцати тихо струилась речушка. Лишь стекающие вниз по течению первые опавшие листья указывали на скрытое движение. Джеймс сел на пригорок с пригоршней первой внезапной брусники, которую он собрал рядом с палаткой. Ягоды были плотными и ароматными. Как маленький салют, они лопались во рту, даря яркие пятна вкуса...

Казалось, что это дурной сон, что всё произошедшее лишь игра больного воображения, и кто-то подойдет сейчас сзади, хрустя жухлой травой, мягко обнимет за плечи, поцелует в висок, одаривая ароматом прошлого, и позовёт к столу. Джеймс даже прикрыл глаза, чтобы картинка, как легкая вода, затопила его подвал отчаянья. Но иллюзия оказалась мала, как студенческие джинсы и не сошлась, не застегнулась пуговица.

Нет, всё это происходит здесь и сейчас. В этом пепельном настоящем. Особого разочарования не нахлынуло – то ли лекарство еще действовало, то ли усталость не давала возможности разыгаться воображению. Ведь все наши беды имеют один корень – домыслы. Мы замкнуты в своих вселенных и о других мирах имеем очень отрывистые сведения, рассказанные знакомыми ненадежных вторичисточников. Будь у нас побольше любопытства или настойчивости, мы бы пересекли наши звездные границы. Но мы ленивы и диванны. И

поэтому образ инопланетян мы рисуем, уродуя своё отражение. Ведь мы никогда не представляем их красивее и добрее нас. Только искаженная копия своих пороков. Эти зеленые человечки, что живут в наших страхах, всегда агрессивны и завистливы. И им всегда есть дело до наших сундуков с богатствами. Жаль, что на самом деле гуманоидов интересуют лишь ароматы комет и блёстки, что попадают в звездной пыли – из этого они лепят замысловатые снежки и бросают в своё Солнце. И чем удачнее бросок, тем ярче переливается их прозрачная чешуя на облачных телах...

Солнце, так и не пробившись сквозь низкие тучи, всё равно решило заползти в зенит. Стало теплее, но не душно. Вернувшись к палатке Джеймс, влекомый любопытством собирателя, бродил по рощице. Первобытный инстинкт не подвел – на самой опушке, во мху, притаилась стайка подберезовиков. Чуть поодаль, в полях колосился степной лук. С трудом, но все же странник отыскал чудом сохранившимся зелень и сочность один кустик с довольно крупной луковицей. А на самом обрыве над рекой шелестел спелыми ягодами шиповник. Эти находки воодушевили «Девятого», потому что вырисовывалось продовольственная альтернатива сухпайку, который был совсем не безграничен. Насадив на прутик грибы, он методично крутил их над углями в печи.

Запахи, запахи... Они – как пятна чернил на серой промокашке. Вспыхивают, заполняют отведенное им простран-

ство, но не сливаются в единую и стройную картину – как вспышки молнии беспросветной ночью. Освещают, но не дают разглядеть дальний склон, не успеваешь. И какое-то время в глазах еще стоит четкий отпечаток на сетчатке, но он тает-тает и опять лишь темнота в расплывающихся черных разводах...

Чайник уже успел закоптиться и закипеть. Вода чуть пахла тиной и природой. Бросив для пущей красочности ягоды брусники, Джеймс отхлебнул этот горячий древний напиток. Грибы были сочными, питательными, но не вкусными. Лук тоже. Но ядрённостью он не был обделен, аж слеза проступила. Пес подозрительно понюхал предложенное блюдо, и как бы извиняясь, сделал несколько шагов назад, прижал хвост и сел в ожидании уже полюбившегося печенья.

Насытив желудок биомассой, «Девятый» растянулся на матрасе. Какой был час? Это сказать было трудно. Единственный хронометр находился на дрезине. И то, Джеймс подозревал его в некомпетентности. Но часы были исправны, это какие-то внутренние шестеренки у самого странника расшатались, то растягивая, то скручивая время по своему усмотрению.

Ни ветра, ни звезд. Будто черно-белый глухой телевизор с программой по природоведению. Пес прижался в поисках тепла и внимания.

"Тебе бы имя дать. Вот я, к примеру, «Девятый», а ты? С другой стороны, для чего нужно имя? Чтобы в толпе отыс-

кать откликнувшиеся глаза. А ты и так безошибочно поймешь, что я обращаюсь именно к тебе, ведь больше никого нет. Или ты всё же считаешь, что имя тебе нужно? Чтоб не пульсировать бесформенно, а стать законченным? Пожалуй, мы еще не проскитались 40 лет, чтоб изжить себя, чтоб обрести свободу от условностей. А ты хочешь быть свободным или нужным?"

Пока еще безымянный пес положил лапу и голову на грудь хозяину.

"Понятно. Твой выбор очевиден. Ну что ж, давай придумаем. Хотя... Я буду звать тебя Джимом. А я останусь "Девятым". Зачем мне два имени?"

И вот так, будто печенье, «Девятый» подарил собаке своё имя. В тайне желая, чтоб в месте с именем поделиться и частью своих страданий. Собаке они не во вред, собака этого даже не заметит, она от природы не склонная к рефлексии, а мужчине станет легче, теоретически. К тому же был в этом какой-то фарс из серии "по образу и подобию своему". Тем более, Джеймсу так было бы удобнее вести разговор с собой, и при этом не сходя с ума.

"Ну что, дружок, имярек мой, давай отдохнем, а вот уже завтра всерьез отнесемся к скитанию". Собака, награжденная именем, будто медалью, радостно лизнула хозяина в нос, нежно придерживая лицо лапами, и подбив бок «Девятого», словно подушку, уютно улеглась и заснула.

В печи тлели красные глаза дров...

Свет пробился сквозь мягкое окно и пробуждающим киселем растекся по палатке.

Джеймсу ничего не снилось, точнее снилось что-то маленькое и черное. Не печальное, не тревожное. Просто черное, как дальний угол в голой комнате новостройки. Не обжитый, ни запаха воспоминаний, ни надежд.

Но как только включилось сознание, тут же включился и сквозняк в голове. Хлопающие двери, рваные паруса штор, гул восточного базара и противный привкус прогорклого масла. Биполярность удобно уселась на плечах, напоминая, что ее терпение закончилось, и пришло время хулиганить.

Холодный пот уже привычно потёк по спине, кровь превратилась в свинец и медленно стала заползать во все доступные полости.

Достав из рюкзака спасительный шприц, краем глаза оценив оставшееся количество панацеи, он всадил иглу в ногу. «Девятый» чувствовал каждый перелив крови, вот она дошла до сердца, вот она пошла по малому кругу, вот подбирается к ногам, вот булькнула в спине, хотела проникнуть в крылья, но они еще не выросли, проползла по позвоночнику, сняла кольчугу с груди, и выстрелила в голову, как ледяная пуля в жару. Джеймс растекся на подспущенном матрасе, ничем от него не отличаясь. Щенок сидел молча и испугано, боясь проявить любую эмоцию, не понимая, что именно из своего щенячьего арсенала подобрать.

«Девятый» выполз на воздух. Свежести не нашел. Как в душевной комнате без отопления, а за окном холод...

Силы были, и он встал. Еще в детстве самым нелюбимым моментом в походах был сбор обратно домой. Своими руками приходилось разбирать мечты, убирать мусор странствий и в путь, туда, где нет приключений. Лишь дотошные усилия без вознаграждения.

Благо, собирать пришлось не много, лишь палатка с наскоро очищенной печью. Пёс деловито запрыгнул на сиротливо стоящую дрезину и сел, словно штурман, следящий за верностью курса. Хотя вариантов сбиться с пути не было – рельсы не предполагали свободы выбора.

Заглядывать в карту и строить планы «Девятому» не хотелось.

Ноги болели. Пришлось даже чуть их помассировать, чтобы разогнать скисшую молочную кислоту. И тихонько, через силу... Как на велосипеде в горку с надеждой на спуск или хотя бы равнинность.

Мягкие окна и лобовое гибкое стекло были закатаны наверх и аккуратно закреплены. Ветер пустой, словно поток от вентилятора, гудел в ушах. В тот момент «Девятый» подумал, что ветра не существует, есть лишь мы, что несемся сквозь воздух и от этого наши лица сухи и волосы, не успевая за нами, колышутся сзади, как потрепанные боевые знамена запыленных крестоносцев. Как рыцари ночных облаков, отстав от арьергарда, скачут по лунной дорожке в своем звезд-

ном одиночестве, так и Джеймс двигался в безвременье и в пустоте.

Постепенно монотонность движения усыпила разум, и по телу потекла тихая вода бездумья. Вдруг внезапный, взявшийся ниоткуда образ вырос где-то чуть ниже мозга, в каком-то потаённом кармане разума. Образ светлый, но в меру равнодушный. Его нельзя было описать привычными инструментами, не вложить в заготовленные формы. Будто протянутая терпеливая рука из облака. Образ был не про помощь. Он был про потерянное одиночество. Но видение так же внезапно пропало, оставив в душе лишь дырку, как в сыре... "Девятый" понимал, что это лишь первая "встреча", что образ вернется. И не один. А со смыслом...

Тем временем лесостепь начала крепнуть, стали появляться вековые деревья. Еще лишь как караульные или как шпионы Гулливера в стане лилипутов. "Девятый" понял, что норматив сегодня он не выполнит. Он снял ноги с педалей, и растягивал инерцию дрезины, как резинку. Только после того, как колеса замерли, отказавшись подыгрывать ослабевшему рулевому, Джеймс спустился на придорожную насыпь. Тишина, как тина затянула, серый затухающий день. Он сел прямо на сыпучий гравий, вырвав из него сухую травинку и засунул ее в уголок рта. Вот только мечтательности не было в его образе. Мечтать не о чем было. Все грезы были на-

столько в данный момент несбыточны, что их хоть как-то облечь в бесформенные суконные одежды не представлялось возможным. Как нельзя вообразить себе посиделки ангелов или семейный пикник демонов. Он даже не стал пытаться.

Пес-Джим первым учуял неладное. Не осознавая, но чувствуя, приближающуюся напасть, он суетливо закружил, раздавая во все стороны тревожные лаи.

"Ну что ", – устало спросил "Девятый», – что случилось?"

Собака подбежала к дрезине и густо зарычала, глядя прямо по курсу.

Джеймс пересел на рельсы, пытаясь поглаживанием успокоить своего маленького спутника. Но действительно, было что-то не так. Он не сразу сумел идентифицировать произошедшее изменение в окружающем мире. Оно не было видимым. И пока не было даже слышимым. Но становилось с каждой секундой ощутимее. Рельсы гудели. Сначала, как внезапный будильник на руке, потом сильнее, сильнее. И вот уже никаких сомнений. Приближается поезд! Участок дороги был прямой, и видимость позволяла наблюдать горизонт. Вначале появилась точка. Черная. С хвостом дыма. Она увеличивалась стремительно. Без предупредительных гудков, без торможения.

Время на раздумья не было. «Девятый» одним рывком поднял передние колеса и попытался стянуть дрезину с рельсов. Но машина не хотела расставаться с уже привычной колеей. Собака бегала рядом, стараясь хоть как-то помочь, но

только мешалась. Джеймс, не глядя, отшвырнул ее ногой, чтобы не раздавить в тяжеловесной суете. Поезд, черный как те городские лужи, казалось, даже ускорился, желая настигнуть свою замешкавшуюся случайную жертву. Не имея зубов, он, видимо, намеревался сначала смять добычу, а потом уже поглотить и навечно упрятать в своей дымной утробе. Уже закопчённое стекло кабины приняло на себя отражение испуганных человеческих и собачьих глаз. "Девятый" интуитивно, не прилагая осознанной логики, перебежал к корме и попытался снести зад дрезины. Этот выбор оказался удачнее, передние колеса были подвижными, так как предназначались для поворотов, и поэтому позволили, сами оставаясь в плену рельсов, остальной конструкции покинуть дорожное полотно. Дрезина, чуть заваливаясь на бок, не держась в такой шаткой и нелепой позиции, задрав морду, скатилась с насыпи, лишая несущийся безумный локомотив радости столкновения. Паровоз в облаке горького запаха угля и сажи, в дыму, как в шали, скрежеща рассерженными колесами, промчался в свою голодную даль. "Девятый" лишь успел заметить пустоту кабины и черные маслянистые подтёки из-под двери машиниста. Видимо, это и был сам машинист...

Джеймс сидел на пригорке, напротив железной дороги. Странные эти пригорки – на них растут камни, щебень, трава и жидкие кусты с маслянистой и закопченной шпалой в корнях.

Никаких мыслей... Это уже становилось нормой... Будто его и не было, будто он был просто облаком, облаченным в штаны. Вместо мыслей в голове был гул. Гул и перестук озлобленных колес...

Привал был единственным логичным выходом в сложившейся ситуации.

Вернув дрезине устойчивое положение, усадив все колеса на землю и собрав выпавшие вещи, Джеймс прогулялся по округе, присматривая место для стоянки и заодно желая найти что-нибудь из подножного корма. Опять грибы, опять ягоды. "Не верю, что собирательство позволяло первобытным людям вести сытую жизнь. Иначе не появились бы охотники". Бубня себе под нос, "Девятый" все же набрал себе на ужин (обед, полдник, кто знает, который час?) пригоршню брусники и десяток подберезовиков. Плотненьких таких, красивых своей непритязательной простотой. Становилось холоднее, значит вечер. Палатка встала, чуть покосившись из-за погнутых креплений, но ни сил, ни желания выправлять поломку не было. Странники забились в нее, будто она давала защиту от внезапно обозлившегося мира. В печке трещал валежник, грибы румянились на ветках-шампурах. Поверх дров стояла уже черная от копоти кружка с походным чаем – раздавленные ягоды, несколько листков брусники и шиповник, оставшийся от предыдущей стоянки. Пёс спал, лишенный сил, поскуливая и, видимо, убегая во сне от обезличенного, и тем еще ужаснее, преследования. Не

дожидаясь очередного приступа, Джеймс достал спасительный шприц и впервые без суеты вонзил его. Назвать ощущения эйфорией было бы чересчур надумано, но в этот момент внутренне спокойствие уже было разновидностью дурмана.

Вместе со спокойствием в сердце вползли краски. Забытые, сначала бледные. Но с каждой секундой образы крепились, набухали и расцветали, как куст акации – будто застывший взрыв. И вот он, прямо перед глазами – уголок воскресного утра... С еще не остывшей второй половиной постели, с невидимым шелестом воды в ванной, с тихим перезвонном чашек, с хлопаньем дверц непроснувшихся шкафов на кухне, манящий звук кофейника, гулко пытящего заклинания, ворожба свой магический напиток. Легкие шаги, шелест шелкового халата и сладкий поцелуй в притворно спящие глаза.

"Я скучаю по тебе... нет, скорее, я тоскую. Как падший, лишенный крыльев, смотрит на валяющиеся у дороги птичьи перья. Эта чесотка у лопаток, будто эхо приговора – "Навечно!"... Свист палачьего топора, тяжелый звук падения и внезапная легкость за плечами, от которой тошнота, будто отрубили саму голову..."

Я тоскую... Я на самом дне. И на счету – ноль. Все запасные жизни и магические предметы израсходованы. И даже отчаянье не придает сил, а наоборот, приковано камнем к ноге. Поверь в меня, позови меня. Махни мне на удачу ветерком. Не покинь меня!"...

Это не было криком, это была молитва, это были его последние силы...

И вдруг, над ухом прозвенел слабый, истощенный писк комара. Как будто тихий гром посреди церкви.

Быть может показалось, быть может, это одиночество материализовалось и выло на плече? Но нет, отклонившись от курса на сближении, комар вновь пошел на стыковку и сел куда-то в дебри щетины. Ведомый первобытным инстинктов, Джеймс механически хлопнул себя по щеке. И с ужасом замер. С опаской, будто смотришь на только полученную, но еще не зажившую рану (ох, эти наивные доли секунды, когда надеешься, что все не так страшно), "Девятый" взглянул на ладонь. На ней лежало сплющенное и очень худое насекомое, с капелькой крови, успевшей втечь в голову, но не дотекшей еще до брюшка.

Джеймс замер в отчаянии – он только что не задумываясь лишил жизни живое существо, возможно единственное...

И теперь надо ждать, вдруг еще выпадет шанс, вдруг природа сумела спастись и даст знак, вдруг всё наладится?

Он сидел, оперевшись взглядом в темный угол палатки.

Пес уютно уткнулся мокрым носом в ладонь и неровно спал. Джеймс же находился в пограничном состоянии – нервы обвисли, как бельевые веревки, и слегка колыхались от сквозняка в душе. В полуприкрытые глаза пробирался отблеск от догорающих поленьев. В палатке пахло теплой сыростью и шиповником. И вот вновь странный светлый и без-

участный образ всплыл, как облако всплывает в открытое окно из-за шторы. Чувство было такое, будто в твое купе входит священнослужитель чуждой тебе конфессии. Не страшно, но как-то неловко. Понятно, что он мудр, и человеколюбив, но не к тебе. И всё, что он скажет, будет на неизвестном тебе языке... Образ помаячил-помаячил и вновь ушмыгнул в форточку.

"Ну и ладно, еще встретимся", – подумал Джеймс. Сон подкрался, как дождь темной ночью – незаметно и неотвратимо.

Следующие несколько дней прошли, как под копирку. Тяжело, пусто и тихо. Теперь "Девятый" всякий раз стаскивал дрезину, когда останавливался на привал или на ночлег. Но шальные поезда закончились. А может закончилось только топливо, а они где-то застыли в нерешительности самостоятельно продолжить свой побег...

Приблизительные расчеты указывали, что до пункта пересадки на водную трассу оставалось километров 500. Для пешехода это было непосильно, для пассажира самолета – 20 страниц книжки, а для капитана железной повозки – 10.000 педалейных оборотов.

В небе стали появляться серо-голубые прогалины. Еще грязные, еще подернутые пеленой, но уже с надеждой на возможную чистоту. Ветерок, как раненая улитка, едва трепе-

тал в кронах. А может это сами деревья пытались потрясти головой, хоть как-то размять ветки, устав играть в "морскую фигуру на месте замри".

Нельзя это было назвать пробуждением. Не было в этом предчувствия нового дня. Наверно, полярники испытывали что-то подобное, коротая полугодичную ночь.

Километры стали похожи на безглазых пупсов на конвейере фабрики игрушек. Безымянные и молчаливые.

Время клонилось к очередному привалу. «Девятый» отработанными движениями снял дрезину с путей и откатил в сторону. Палатка тоже, будто подыгрывая, встала на отведённое место под раскинувшимися еловыми лаптами. Кстати, растительность стала приобретать шевелюрность – редкие пучки деревьев меж обширных проплешин жухлой травы заменились вполне состоятельными лесами. Но все еще безжизненными. Хотя уже много раз беглецам казалось, что кто-то тайно подсматривает за ними. Какие-то глаза в листве. Но может это были именно глаза листвы? В любом случае, ощущения были не из приятных. «От бизоньих глаз темнота зажглась, а в моем доме завелось такое...» – откуда-то с чердака подсознательного доносился зловещий шепоток.

И вот очередное тёмное время опустилось на землю, забирая свою законную половину. Сон стал таким же механическим действием, как и движение. И вообще все стало очень бессмысленно-поступательным.

И казалось, что рельсы, с их бесконечной прямоотой, и есть новая формула мира. Но следующее утро все изменило.

Проснувшись без чего-то рано, Джеймс вышел из палатки, как-то неуклюже потянулся и по привычке начал делать немудрёную зарядку. Джимка бегал рядом, думая по малолетству, что это такая игра для собак – «Помешай человеку завершить движение». Вдруг оба не стовариваясь замерли и подвернули голову в сторону чаши. Оттуда доносилось еле слышное поскуливание, даже скорее это походило на писк сдувающегося воздушного шарика и какое-то многоголосое нестройное похрустывание. Собака оцетинилась и прижалась к ноге человека. «Девятый» согнулся и, не глядя, поднял с земли палку... Что в таких случаях заставляет двигаться вперёд на встречу с таким очевидно опасным неизвестным? Почему 9 из 10 вместо того, чтобы убежать, идут на поиски нежелательных приключений? Что, любопытство сильнее инстинкта самосохранения? Наряд ли. Это какое-то глубинное стремление к экзистенциальности, к поиску заграничья, «русская рулетка» – желание выдать себе приз виде собственной жизни.

С предательским хрустом они пробрались сквозь заросли сухого беспородистого кустарника и выбрались на небольшую лужайку. Увиденное было настолько непредсказуемым, что Джеймс выпучил глаза и издал странный звук на выдохе. Посреди слегка раскопанного муравейника лежал облезлый заяц, облепленный поедающими его муравьями. Заяц

был еще живой, по крайней мере издавал именно те звуки, что были приняты за сдувающийся шарик. Это выходил воздух из его прогрызенных лёгких. Насекомые с какой-то звериной неистовостью разрывали его на мелкие куски. Многие из них барахтались в лужах застывающей крови, но они не пытались спастись, они пытались насытиться ею.

Каким-то то ли зрением, то ли воображением Джеймс увидел морду одного муравья, будто в глаза ему посмотрел. Хищные мандибулы были жадно раскрыты, в фасеточных глазах кровавый голод, и больше ничего. Беспощадная машина, лишённая страха и выбора...

Судя потому, что муравейник был разрыт, видимо заяц был настолько голоден, что простой травой-корой он бы не наелся. Какой же должен был быть голод, чтобы он превратил травоядного в плотоядного? Но лесной кролик не ожидал встретить столь же голодных лилипутов, не испытывающих никакого комплекса по поводу своего роста.

Что же это значит? А значит это могло только одно. Первородные лучи, захлестнувшие Землю после пустого облака, не убили тех, кто не был отягощён разумом, а лишь ввели их в краткосрочную кому. И вот теперь после нескольких недель спячки животный мир просыпается. И просыпается голодным. Очень голодным. И всякие условности им чужды. Им нет дела, кем их считали люди – милыми пушистикками или незаметными букашками. И у них нет разума, который игрался бы с ними, пряча в свалке бесполезных сомнений,

простую и первобытную истину – плоть ест жизнь.

Почему нельзя питаться камнями? Потому что в них нет ничего живого.

Лишь поедая то, что рождено жить, лишь так можно оттянуть свою собственную смерть. А всякие поиски иного смысла – это просто орхидеи вдоль кровавой тропинки бытия...

Сколько оставалось до полного пробуждения, Джеймс не знал. Может быть пара дней, а может пара часов. Но то, что вскоре для него с Джимом все смертельно изменится, сомнений не оставалось.

Сборы прошли рекордно быстро и неряшливо. Собака не отходила ни на сантиметр от хозяина, всякий раз прижимая уши и оглядываясь при малейшем шорохе.

Скорость. Это было если не спасение, то, по крайней мере, надежда.

Набрав обороты, Джеймс разложил карту. Сейчас вопрос точного определения месторасположения становился как никогда важным. Но как на зло карта была предательски молчалива – прямая каркасная линия дороги сквозь зеленое. И никаких привязок. Лишь с погрешностью в 50 километров поворот. Но это не точно. Проклиная себя за беспечность, с которой он отнесся к фиксированию продвижения, «Девятый» нещадно жал на педали. Время от времени на пути стали появляться признаки голодных игр на поедание. Где-то останки кровавой схватки, где-то подломанный придорожный валежник, ставший местом боя... Время

тянулось, как струна от чеки гранаты. Как-то очень неожиданно из кустов сирени выскочил тот самый определяющий поворот. Есть привязка! Ни на секунду не останавливаясь, Джеймс начал вымерять карту. Получалось, что до смены рельс на водную гладь оставалось долгих 75 километров. Реку он рассматривал, как более безопасную трассу – вряд ли рыбы смогут представлять смертельную угрозу. Он просто не думал о том, что, к примеру, медведи отлично плавают...

Останавливаться он не решился. Силы взялись ниоткуда, такое бывает, когда нет выхода. Пару раз ему пришлось отбиться от мчавшихся за ним кабанов. В первый раз его спас мост – он был узкий и животное просто свалилось в реку, споткнувшись о шпалы. Во второй раз лось, который посчитал, что мягкое вкуснее железного и вспорол брюхо дикой свинье, выскочив наперерез из чащи.

Наступила ночь. Заветная точка пересадки была уже близко, но как ее отыскать в кромешной темноте? Зажигать фары Джеймс не решался, чтобы не создать лишнего повода для кровожадного любопытства.

В карте была сноска – фотография того места, где находится укрытая лодка. Огромный тополь у излучины реки, стрелкой обозначен неприметный искусственный холмик, что укрыл плавсредство, облако, хотя это не самый надежный ориентир. Еще была подпись – «запоёт «соловей». Что это обозначало – инструкторы не успели сказать. Честно говоря, инструкторы, ныне обращённые в маслянистые лу-

жи, вряд ли верили, что хоть кому-то понадобятся эти их пояснения.

Потянуло влагой. Чем-то мокрым и зелёным. Глаза уже привыкли к темноте, а может сто двадцати процентная собранность дорисовывала детали – текущие силуэты и неясный шум то ли в голове, то ли за ее пределами. На фоне сереющего неба стали проявляться острия крон – как частокол – без индивидуальностей. Вдруг из-под колес донёсся странный свист – будто механическая птица из шкатулки. Свист продлился буквально пару секунда и затих.

Джеймс резко затормозил, собака спросонья чуть не свалилась с водительского кресла. Включив задний ход «Девятый» вернулся на ту странную точку. Как только он достиг ее, свист вновь повторился, но уже скрипучее и как-то замедленное. Звук больше походил на карканье, чем на мелодичный перелив. Но сомнений не было – он имел искусственное и осмысленное происхождение. Видимо, какой-то немудрёное устройство выдавало его под тяжестью проезжающего транспорта.

Дрезина остановилась, и ее последний скрип совпал с последним всхлипыванием поддорожной железной птицы. Небо чуть просветлело и на его фоне, как из-под земли вырос торс огромного дерева, как-то зловеще нависающего над происходящим. Русло реки было еще не разобрать, но ее мелодичное сопение меж камышей было слышно. Хорошо, что ночь. Ночью голод тише – скорее всего потому, что глаза не

видят, и поэтому нет повода есть.

Уже не обращая внимания на рискованность затеи, Джеймс достал динамо-фонарик, мощно сжал его в руке несколько раз и в тусклом, будто еще не проснувшемся свете, начал искать схрон. Местность была дружелюбна и не прятала свои секреты. К тому же холм с лодкой был настолько искусственным, что природа как бы его выставляла на показ, как бы отторгала, чтобы никто ее не заподозрил в новомодной толерантности. Природа была старой закалки...

Скинув камуфляж, «Девятый» подхватил лёгкое судёнышко, перевернул на киль и потащил к реке. Вода мягко, как она умеет, приняла лодку. Та чуть покачалась, словно притираясь, и замерла в ожидании дальнейших указаний. Примотав кормовую верёвку к безвольной прибрежной иве, Джеймс очень ускорено начал переезд. Дрезину спустил с рельсов и накинул на неё тот же камуфляж, оставляя одну миллионную долю вероятности, что придётся вернуться. Рюкзак был вечно собран. Палатка. Небольшая канистра с водой. Хотя брать воду с собой в воду было довольно глупо на первый взгляд, но «Девятому» было не до диванной логики, он отправлялся в неизвестность, а она бывает и сухой. Бегло окинув взглядом берег, и убедившись, что весь скарб при нем, он подхватил уже привыкшую быть испуганной собаку и запрыгнул в лодку. Оттолкнувшись лёгким веслом от прибрежного дна, Джеймс вырулил на фарватер. Тишина начала сгущаться. Где-то треснула ветка...

Волна мягко терлась о борт, как бы приглашая погладить ее веслом. Он так и сделал...

Утренний свет почему-то всегда спускается на воду позже, чем на землю. Наверное, у них с туманом какая-то древняя договорённость.

Но время шло и очертания берегов крепили.

Речка даже на карте не имела названия и поэтому особо не утруждала себя чему-либо соответствовать. Порой она заливала луга и неспешно перекатывала песок, а порой сжималась и, как в узкие двери, втискивалась меж вековых деревьев, закручивая водовороты над поверженными стволами. И ей было абсолютно наплевать на тех, кто волей судеб оказался в ее владениях.

Ей так же было плевать на всех своих обитателей, которые так же, как и наземные собратья, отряхнулись от ила, и бороздя плавниками и торчащими голодными рёбрами мутные просторы, начали жадно поедать все, что хоть как-то движется, колышется или просто попадает на пути открытого рта.

Понятие рыбной стаи перестало существовать, ибо в одиночку проще и пропитаться, и спастись. Тем не менее вода попеременно бурлила, обозначая несущуюся по течению схватку, в которой кто-то победит, чтобы стать более лакомой добычей для более сильного.

«Девятый» понял, что главное переждать несколько дней, пока все насытятся, и ажиотаж осядет. Потом наступит пе-

риод падальщиков, уже не такой агрессивный. И все устаканится. Но надо было переждать. О ночёвке на суше не было и речи. В данный момент опасность представлял даже суслик.

Как провести ночь, «Девятый» уже придумал. Он выбрал дерево посреди русла, благо таких было много, река же лесная, привязал кормовой и на этой нейтральной полосе он наконец-то впервые за долгие десятки часов прикрыл глаза.

Ночь прошла очень чутко. Спасал речной срединный ветер. Он отгонял комаров и проносил мимо береговые звуки.

Проснувшись весь в мокрых мурашках от стылого тумана, Джеймс умылся холодной водой, зачерпнув ее прямо за бортом. Молочный свет стелился над ребристой гладью реки. В его свете ламинированная карта чуть бликовала и позволяла себе вольности, искажая очертания и контуры. Найдя компромисс бликов и достоверности, «Девятый» попытался сориентироваться. Сделать это было практически невозможно – количество поворотов, излучин и отмелей зашкаливало, придавая любому ориентиру сомнительную вероятность.

Судя по инструкции, весь водный путь до перевалочного домика составлял чуть больше 200-х километров. Но это по прямой. Так что смело можно было умножать на два. При средней скорости реки 4 км в час (откуда-то всплыли школьные знания по природоведению), плюс вёсельная составляющая – 6 км в час, получается, что весь путь займёт около пяти дней, учитывая остановки на ночлег. Один день прой-

ден. Осталось еще 4.

Единственной подсказкой на карте была надпись напротив заветного причала – «Красный остров». Да, действительно, напротив финальной точки посередине реки был островок. Но что значит «Красный»?

«Девятый» обозначил наиболее очевидные метки на пути, чтобы хоть как-то ориентироваться в происходящем. Их было не так много, но хоть что-то. Идея с пришвартовыванием к затонувшим стволам оказалась удачной, но гарантии найти для следующей ночёвки подходящее место была, как вероятность встретить динозавра – 50 на 50...

Погруженный в топографический кретинизм, Джеймс не заметил, как выплыл на весьма живописную, даже в данных обстоятельствах, местность. Когда он поднял осознанный взгляд, его встретил невысокий утёс со свисающими локонами ив, проблеск слабо-голубого в небе, и высокая распластанная на ветрах точка птицы. Конструкция была перевернута, но в голове она сложилась, как пазл. Бровь, глаз, локон... И нежность, как сорокоградусная температура, захлестнула его... Он даже не успел проявить сопротивления, капитуляция была мгновенной.

«Ты как небо, ты всегда над головой... Я упёрся глазами в грязь, я пытаюсь выбраться из болота, а ты смотришь на меня сверху и сострадательно улыбаешься, веря в меня. Ты вовеки жива, а я стараюсь выжить. Нас разлучают... Почему нас вечно разлучают? А ты улыбнёшься и скажешь – «что

ты, любимый, мы всегда вместе, пока один из нас дышит, мы вместе на земле... а когда мы станем облаком... ты когда-нибудь видел неединое облако? Ты не сможешь потерять меня, как и я никогда не расстанусь с тобой. Потому что любовь не бывает половинчатой, как не бывает половинки капли. Она либо целая, либо ее нет. Стучи своими колёсами, греби своими вёслами, топчи ногами, локтями усталую землю – делай все, что положено мужчине, который знает своё предназначение. А оно очень простое – укрыть любимую своим усталым, но сильным крылом. Поверь, ждать тебя – это тоже великое испытание. Помни, с каждым сантиметром времени мы близимся к друг другу, чтобы сказать одними глазами «Я люблю тебя»

Видение исчезло, и осталась невыносимая тоска...

И вновь вода... Поясница затекала от непрерывного сидения, а встать размяться было чревато потерей равновесия. Жажды и голода не было – река щедро делилась своими немудрёными богатствами. Но она, как любой простоватый хозяин постоянного двора, абсолютно не интересовалась ни комфортом, ни безопасностью своих незваных гостей. Плечи гудели, появился ком в желудке от вечного покачивания на волнах. Доносящиеся с берегов визги, рык и последующее чавканье стали привычным саундтреком в этом ривер-муви.

На пятый решающий день прибрежный лес начал стихать, сильные переваривали слабых, слабые лежали, сверкая об-

глоданными костями, удачливые забились в норы и зализывали рваные раны.

«Девятый» сушил вёсла и плыл, влекомый течением, чтобы успеть побороть естественную скорость, как только появится нужный ориентир.

Проплывающие мимо острова были однотипно серыми, никак не подпадая под нужное красочное описание. Джеймса стали обуревать сомнения, может он неправильно интерпретировал подсказку?

Вот очередной поворот русла, очередной остров и очередная надежда.

Ему в глаза полыхнуло, как пожар, буйство грязно-красного.

Все было очевидно и как-то банально. Видимо, с высоты вертолёт на плоский кусок суши посреди русла были сброшены две-три бочки с краской. От удара все их содержимое расплескалось по камням и деревьям, как от детской шалости. И никаких тайных знаков, никаких намёков – прямолинейность конспираторов несколько разочаровала.

Но цель была достигнута, и это главное.

Собака очень воодушевилась, когда поняла, что вновь можно будет побегать по твёрдой земле. Но «Девятый», пришвартовавшись, не спешил сойти на берег. Он чутко прислушивался. Лишь редкие птицы потеряно кричали где-то в чаще. Аккуратно, будто на минное поле, Джеймс вступил на землю. Это уже была иная земля. Без рельсов, без прото-

рѐнных дорог. Земля, на которой придѣтся стоять, стоять до последнего.

Затянув лодку на полкорпуса на берег, «Девятый» тихо поднялся по крутому склону. Перед ним открылась дикая поляна, вся в васильках и малине. Метрах в двадцати торчала приземистая крыша с серой черепицей. Окон не было видно, их скрывал бурелом. Испытывая обоснованные опасения, Джеймс взял щенка на руки и стал медленно продвигаться к домику. Домик оказался довольно крепким и ладным. Небольшой, с открытым крыльцом. Было видно, что построен он был не так давно, но не обжит. Замок носил символический характер, лишь бы ветер или зверьѐ не открыли. Внутри было темно, ставни закрывали окна. Сбив их кем-то продуманно приготовленным молотком, «Девятый» огляделся. Посередине стояла русская печь с небольшой пристройкой в виде плиты. Слева от нее тяжѐлая кровать с упакованным в целлофан матрасом, одеялом и подушкой, справа кухонный стол, на котором стоял ящик с чугунками, железными и деревянными тарелками, прочая утварь. У двери лавка и брутальная вешалка – три гвоздя. В углу располагалась поленница с дежурным набором дров и ночной горшок на случай холодов. За потолком находился чердак. Туда через люк вела приставная лестница. На чердаке вот уже несколько лет сушились какие-то травы – то ли пижма, то ли зверобой. Видимо, строители хотели домой увести, но забы-

ли забрать.

Выйдя из дома, Джеймс нашёл сарай, пристроенный сзади. Там находился туалет, типа «сортир», и немудрёный набор для мужского рукоделия – козлы для распила дров, пара топоров, ножовка, лопаты, грабли, какое-то копьё-гарпун, видимо, для ловли рыбы и всяко мелочь – бечёвка, гвозди, каменный брусок, наверное, для заточки инструмента...

Закончив полный осмотр, «Девятый» вытащил лодку, уложил ее сохнуть у крыльца, а багаж перенёс в дом, разрушив весь минимализм спартанской обстановки.

Тем временем значительно похолодало.

Джеймс затопил печь. Дрова, забывшие за годы лежания в поленище о своём истинном предназначении, начали удивлённо потрескивать, дымить и насвистывать древесные мелодии, но потом, войдя во вкус, весело и самозабвенно запольхали. Сырость нагрелась и запахла, будто предьявляя последний аргумент, чтобы остаться нетронутой. Но тепло начало постепенно заполнять дом. Вспомнив про ужин, точнее, поняв поскуливания пса, «Девятый» разыскал в рюкзаке недоеденный сухпаек и разделил его с собакой. Они уселись оба на незастеленной кровати и молча, глядя на отблески пламени на полу, жевали хрустящие галеты...

Особых признаков наступления зимы не было. Природа была на паузе и не подыгрывала законам мироздания.

Все было одинаково серым и пожухлым, готовым как рас-

цвести, так и уйти в перегной. Индифферентность стала фирменным знаком происходящего. Никаких векторов и направлений. Но холода, как товарные поезда, прибывали с допустимыми отклонениями от расписания.

Судя по инструкции, «Девятому» было предписано переждать зиму в этом таёжном чулане. Переждать и выжить. Рядом была река и можно было с большой долей вероятности надеяться на обеспеченный минимум пропитания. Теоретически.

Вся надежда была на большой фолиант, оставленный предусмотрительными конспираторами. Краткая инструкция по всему. Разработчики этого проекта предполагали, что судьба может забросить в этот дом человека с любой долей подготовленности, даже с нулевой. И поэтому они написали инструкции для земляного червя городских джунглей.

В книге по выживанию были учтены самые базисные принципы и навыки, которые помогут не умереть с голода, холода, жары и жажды.

Содержание было разбито на активности – «собираательство», «охота», «безопасность», «кулинария», «быт».

Наскоро пробежав по страницам, Джеймс решил начать с самого простого – собираательства. Ну, ему показалось, что это самое простое. Когда он вышел «в поля», он осознал, что не будь этой книги, он уже пару раз был бы мертв, съев с куста ту или иную ягоду или весело жуя тот или иной гриб.

Окружающий лес и поляны не были похожи на райские

сады, и подножный корм приходилось искать в поте лица. Странные ощущения начали, как пузыри, всплывать на поверхности его сознания. Как в кастрюле перед закипанием. Лекарство действовало, но видимо начинался эффект привыкания, или препарат сам имел побочные эффекты. Но не это «Девятого» беспокоило. Беспокоило то, что ряды ампулы редели. Как тает сладкая вата во рту – неумолимо. И с этим поделаться ничего было нельзя – абсолютно нерешаемая задача.

Но он отгонял эти мысли, пытаясь сконцентрироваться на «поиске пуговиц», на том, что ему под силу. Как природа не ленилась, но тиски мороза придут, и им будет все равно, готовы к ним или нет. Вообще, холода или жара, это настолько бескорыстные явления... У них ведь нет задач навредить, у них задача быть и все. А уж кому там плохо от того, что они нагрязнули... Не их проблема. Они передвигаются по поверхности, а то, что их движение несовместимо с микроскопическими жизнями в другом измерении, в чем их тут вина? Когда человек прогуливается по тенистой лесной тропинке, жонглируя в голове высокими темами и лирическими оборотами, приближая мир к совершенству, разве он задумывается, сколько растоптано его сапогом жизней, и даже целых миров? Так и сгустки температуры проносятся, любя все вокруг, но не нас.

Так вот надо успеть забиться в норку и без обид переждать их появление. А в норке должен быть запас еды, питья и про-

тивноположной температуры для уравнивание привычного нам уклада жизни.

Поэтому в списке под номером «один» было «засушить грибов и ягод». С этой задачей Джеймс справился довольно легко. За 3-4 дня он собрал и подготовил к хранению вполне достаточный для полутора едоков набор даров земли. Он выкладывал их на печке, как учила книга выживальщика, и от этого дом наполнялся особым грустным сладковатым ароматом засыхающей свежести.

С дровами проблем было и того меньше. Даже далеко ходить не надо. В радиусе 30 метров был много поваленных деревьев, которые своей сухостью вполне подходили на роль поленьев. Попотеть, конечно, пришлось. Под вечер руки гудели и пахли смолой. «Девятый» развлекал себя арифметикой и подсчитал (он все в последнее время переводил на язык цифр, так ему казалось он формирует правильный базис для нового мира), так вот он подсчитал, что для зимовки ему понадобится около полутора тысяч поленьев. И он не спеша шёл к поставленной цели. Шелест пилы был очень ограничен в лесу и порой сливался с шелестом крон. А вот когда дело дошло до топора, здесь за дятлом уже не спрятаться...

Джимка вертелся рядом, играясь в куче стружки, как в песочнице.

Наверное, из-за своей увлечённости, он почувствовал опасность

уже очень поздно. Но почуял. Весь ошестинившись и даже не озлобленно, а растеряно и испугано, он не зарычал, а как-то замыкал. «Девятый» сжал топор одной рукой и боком начал выходить из дверей раскрытого сарая, даже не предполагая, откуда ждать беды. До дверей дома было 10 очень долгих метров. Он, медленно оглядываясь по сторонам, присел, не смотря взял собаку в охапку, абсолютно оправдано думая, что ее реакция может быть неадекватной и бесполезной. Где-то левее сарая послышался треск валежника, и было слышно, что не прутья ломаются, но крепкие ветви. И вот, рыча как-то в сторону, из кустов показалась медвежья морда... До этого Джеймс видел медведей если только в зоопарке, и то сквозь стекло и с беззаботным вкусом мороженого за щечкой.

Зверь по началу не показался ему крупным, сантиметров 70 в холке, как большая овчарка. Пока он не встал угрожающе на задние лапы...

«Наверное, так выглядела первобытная смерть», – лишь успел подумать «Девятый».

Дальше все развивалось стремительно. Джеймс, чтобы выиграть доли секунды, бросил в зверя топор. Неуклюже. Потому что в левой руке он прижимал пищущего щенка. Топор как-то нестрашно достиг цели и попал медведю в морду, слегка рассадив бровь. Пока топор летел, Джеймс в три прыжка добежал до угла дома, завернул и бросился в дверь, в надежде успеть укрыться за засовом. Влетев в дом, он швыр-

нул пса в дальний угол, собака перевернулась несколько раз в воздухе, потом на полу, не вставая на лапы заползла, про-скальзывая, под кровать.

«Девятый» обернулся к двери и понял, что уже поздно – медведь стоял на пороге, разверзая свою огромную пасть. Слюни стекали с клыков, глаза маленькие и красные, шерсть на загривке дыбом. Джеймс выставил руку. Зверь посчитал это актом нападения, он резко приблизился и ударил муж-чину лапой, раздирая когтями плечо. «Девятый» отлетел в угол, задев увесистый стол, на котором лежал недоразобран-ный рюкзак. Все его содержимое разлетелось по полу. Мед-ведь, почуяв себя полновесным хозяином ситуации, начал расхаживать по комнате, не нападая, оттягивая сладкий мо-мент победы. Под его лапами хрустел немудрёный скарб. Вдруг он отдёрнул заднюю ногу и завертелся. В подошве блеснули стеклянные осколки ампул. Они не давали ему хо-дить, причиняя боль. Пока только боль. Зверь силился из-бавиться от ломких заноз, а тем временем препарат попал в крови и начал заползать вязким туманом во все уголки мед-вежьего тела. Сначала безвольно опустились лапы, бурый сел на зад и не понимал, отчего это спячка наваливается на него так внезапно. Потом открылась пасть, слюни бесконтрольно начали капать на пол. Он задышал прерывисто, закрыл кро-вавые глаза, чуть пошатался и рухнул в объятия Морфея. Джеймс, ведомый какой-то панической агрессивностью, под-хватил вывалившийся из рюкзака тесак и с каким-то детским

писком начал наотмашь рубить зверю шею. Медведь невнятно рычал, пытался подняться, но все тщетно – лекарство любит свою работу и делает ее всегда добросовестно. Когда тесак рассек трахею, вырвался уже известный Джеймсу писк. Никакой разницы между зайцем и медведем не оказалось – последний выдох у всех одинаков...

Кровь липкой стылой лужей залила половицы, мухи кружили (они всегда любят поживиться тёпленьким) ... «Девятый» как-то очень спокойно осмотрел поверженного врага. Шерсть была клочковатая и засаленная. Там, где она пропиталась кровью, появился какой-то графитовый блеск. Пасть безвольно открыта в полу-рыке полу-зевке, зубы, белые и смертоносные, торчали неровным частоколом, одно веко не сомкнуто – красная радужка и закатившийся зрачок. На брови свежая рана от топора, в прорехе плоти видна кость. Линия шеи переломлена, голова неестественно упала на грудь и чуть завалилась на бок. Кровь уже не пульсировала из аорты – сердце молчало.

И кругом запах смерти и насилия. Торопиться убирать было уже бессмысленно, уже не отмыть, уже пропиталось. Джеймс бросил тесак и, оперившись на руки, попытался встать. Боль пронзила плечо. Он обхватил его инстинктивно ладонью. Сквозь пальцы просочилась кровь, на это раз его собственная.

Пользуясь избытком адреналина, который частично купи-

ровал боль, «Девятый» смыл кровь, в остатках разгромленной аптечки нашёл йод, и, не задумываясь, плеснул на рану. Это нельзя было назвать болью, это было больше похоже на огненный шпиль, который пронзил все его тело, выдавливая наружу внутренности.

Ни звериный крик, ни судороги конечностей, со стороны похожие на нелепые танцы, ничего ни на йоту не облегчало этого холодного пламени. Благо, он приготовил нитку с иглой заранее... Выпучив глаза и как бы разделившись на две сущности, он осознанной рукой всадил иглу в бессознательную руку. При таком зашкале ощущений, проход иглы сквозь плоть осознавался, скорее, тактильными ощущениями, нежели болевыми. Хруст кожи, скрежет нитки по мясу... Ему было важно сделать хотя бы 2-3 стёжка, прежде чем потерять сознание. Уже на границе осознанности он стянул концы нити и успел сделать узел... Боль победила, мозг решил сдаться и отключиться, чтобы не перегореть окончательно...

Сколько он пролежал? Неизвестно. Видимо, он периодически приходил в себя, точнее шёл к себе, но не доходил окончательно. Разбросанные вещи говорили о том, что он пытался встать, глупо цепляясь за них.

Голова гудела, рука ныла, но в целом состояние было удовлетворительным.

В доме царил хаос. Мухи кружили торнадо. И чересчур наглая ворона довольно нехотя скачками спрыгнула с туши

медведя и вальяжно выпорхнула наружу.

Джеймс выполз на крыльцо. Было утро или вечер. На серой траве мерцали первые кристаллы инея...

Несколько следующих дней «Девятый» посвятил приведению в порядок своего маленького заброшенного мирка. Кровь въелась в дерево так, что оттереть не было возможности. Пришлось прибегнуть к помощи рубанка, но и он справился с задачей лишь отчасти. Тушу медведя Джеймс, следуя советам всезнающей книги, разделал как сумел. Выбрал лучшие куски, тонко их нарезал и развесил, как грязное белье, сушится на холодном ветру, что как сторожевой пес, бежал впереди приближающейся зимы. Остатки он выбросил в реку, чтобы не привлекать на запах мертвечины падальщиков или мстителей. Шкуру скорняжил тоже по инструкции, выходило не очень. И он решил ее тоже выкинуть в воду. Зрелище было сюрреалистичным. Будто медведь летит по медленному жидкому небу меж дубовых да осиновых листьев.

Запаса спасительных ампул осталось буквально пригоршня. А про природные альтернативы, про какие-нибудь мухоморы в талмуде ничего не говорилось. Джеймс решил постепенно снижать дозу, чтобы к моменту последней капли хоть как-то быть в теме медикаментозного голода.

Солнце стало лениться и с каждым разом сокращало свой рабочий день. На смену чёрным переливчатым мухам пришли белые и сверкающие. Они медленно испаривали на

землю, чуть слышно звеня, сталкиваясь друг с другом. Как лилипутские бокалы с шампанским. Дзынь-дзынь....

Собака весело бегала по первому снегу, пытаясь поймать своей горячей пастью эти радужные кристаллики. Но каждый раз они успевали растаять от ее дыхания, и превращались в банальный фрагментарный дождь...

Сокращение лекарственной дозы имело свои последствия. Тот образ руки из облаков стал появляться все чаще и чаще, как бы просачиваясь в щели безумия.

Джеймс понимал, что этот сверкающий перст рано или поздно коснётся его. И как любой приговорённый втайне уже торопит свою казнь, так и он устало и обречённо ждал этой встречи.

Тем временем зима полностью овладела миром, треща своим посохом-морозом. Даже облака замёрзли и рухнули снежными осколками, высвободив простор для звезд.

Дом был ладный и держал оборону.

Время, до этого метавшееся между прошлым, будущим и придуманным, окончательно замерло в нелепой позе, не оставя ни малейших подсказок, ни ориентиров.

Единственным способом жизнеисчисления стали ампулы. Когда осталась последняя, Джеймс решил не растягивать очевидный финал и вколол ее полностью. Как последняя рюмка алкоголика то ли перед смертью, то ли перед болью. Все поплыло, как скорлупа грецкого ореха по весеннему ручейку детства. Деревья вновь стали большими и зашу-

мели яркой молодой листвой, умытой пробежавшим мимо дождиком. В росистой траве сверкали придорожные изумруды и нежный голос смехом увлекал в белую березовую чашу. Ласковые пальцы трепетали в волосах, то ли поглаживая, то ли ероша. И как радужная капля на промокашке, по иссохшейся душе растеклось беззаботное спокойствие...

И вот получив последний аванс «Девятый» проснулся. Печь была еще тёплая. Пёс привычно ютился где-то под одеялом и часто дышал во сне. Наступала решающая битва. Враги стянули все силы, а свои подкрепление не пришлют. Патронов нет, есть лишь штык, приклад и мужество. Битва за все. На безымянной высоте в стылom окопе...

Лекарство перестанет действовать дня через 3, потом безумие будет кружить над головой, устрашающе показывая свой чёрный глаз урагана, и в какой-то момент смерч подкрадётся и сожмёт до хруста в своих объятиях. И не было еще на Земле людей, способных оседлать этого гнедого коня апокалипсиса.

Когда появились первые признаки надвигающейся абстиненции, Джеймс решил сделать последние приготовления. Он налил воды для пса, разложил еду, не запер дверь, чтобы собака в случае его кончины смогла выбраться из дома. Убрал подальше все острые предметы, сделал свободные петли для рук и ног, чтобы не повредить себя ожидаемыми конвульсиями, протопил печь и сел на кровать, как Анна Ка-

ренина, в ожидании своего последнего поезда.

Сперва появился шум, будто наползающий прибой. Крики то ли чаек, то ли ворон. «Девятый» лёг на кровать, взял в зубы приготовленный черенок-кляп и всунул руки-ноги в петли. Безумие пролетело над ним, коснувшись чёрным крылом. Мозг поделился пополам. Одно полушарие закипало, как гейзерная кофеварка, второе, будто испорченная морозилка, начало обрастать дурно пахнущим льдом. А между ними было зажато его самосознание. Из кипятка лезли демоны, из мерзлоты черти. Тело, лишившись контроля, начало трястись, будто пытаюсь самостоятельно сбросить с себя эти рогатые полчища. Но битва только начиналась. Первыми ударили огненные демоны. Они вонзили пламенные трезубцы куда-то под ребра. Огонь залил лёгкие, сжигая весь воздух... Каждый вдох лишь раззадоривал это горнило.

Но ледяные черти не стали ждать. Они обжигают холодными сетями потянули к себе на дно, куда-то туда, где чернота не цвет, а суть. Оглушающая тишина и хруст мгновенно замерзающей плоти... Ниже могил, ниже чистилища, в кунсткамеру звериного ужаса...

И при каждом махе этих дьявольских качелей от Джеймса отлетали куски душевной плоти и пополняли счёт на табло у соревнующихся команд. Пока была ничья. Точнее, пока он был ничьим...

От «Девятого» оставался лишь островок земных мучений,

лишь несколько секунд бытия. Не в силах больше терпеть, он собрал оставшиеся силы и, как «Джеронимо», как крик прыгающего со скалы, он послал все, что у него было, последний протуберанец себя той, кто ждала его везде. Как бандероль из блокады в тыл. Чтобы спасти, но не спасаясь... Последним выдохом он подтолкнул лепесток неопалимого цветка своей Любви вверх...

И тут над головой появилось Небо. Яркое-ослепительное белое Небо. И уже не из облака, а из сияния появилась рука-крыло. Она медленно спускалась, как по винтовой лестнице, и своим светом плавя лёд и остужая пламя. Черти с демонами метали в него свои камни и стрелы, но они, не долетая, превращались в белых птиц. Шелест небесных перьев заглушил рёв преисподней, и мягкой тишиной укутал растерзанную душу Джеймса. Потом нежно, словно младенца, крылатый свет поднял ее и вознёс на небеса. Следом, как хлебные крошки, летели все растерянные в битве его атомы.

И когда последний из них воссоединился с душой, Джеймс жадно сделал первый вдох.

– Здравствуй, Человек, – будто мелодия прозвучало ото всюду.

– Я умер?

– Не совсем, скажем так, тебя прошлого нет, как нет и самого прошлого. Ты переродился.

– А остальные?

– А это уже от тебя зависит.

– Что это значит?

– Та, которую ты любишь, с ней все в порядке, она под твоим крылом...

Только сейчас «Девятый» осознал тяжесть за спиной, он повернул голову и увидел белоснежные перья позади плеч, и каким-то инстинктивным усилием он слегка повёл сильными крыльями.

– А вот остальной мир вам придётся отстраивать самим заново...

– Но как?!

– Ну а как строят дом? Фундамент, стены, окна, дверь, крыша... Материалов у тебя много, так что – за работу.

– А Вы можете?

– Ну, а когда Мы отказывали человекам? Но люди каждый раз по-своему понимали Нас. Наш язык прост, а вы зачем-то пытались всё услышанное материализовать. И с каждым поколением все мельче и мельче – больше деталей, меньше истины. Чем вам не нравились яблоки в саду? Вы сами захотели растить горький хлеб. Чем вам не нравилась песня души? Вы сами решили обрезать ей крылья, запихнув в клетку слов. Чем вам не нравилась бесконечность? Вы сами придумали разбить ее на цифры, и эта бесполезная груда придавила вас. Но вы попросили право выбора – оно ваше во веки веков...

Потом свет склонился над «Девятым» и нежно по-отцовски пропел флейтой:

– Не проси всё снова, сынок...

ЭПИЛОГ

Весна была в самом начале. На холмиках просыхали проталины, в оврагах стояли хрустальные лужи с ледяным дном, в котором застыли прошлогодние листья. Небо сияло, будто натёртый голубой сапфир. Джими весело бегал то за своим хвостом, то за ветерком. «Девятый» шёл, твёрдо зная направление. Лес закончился у гор, видимо, он пытался запрыгнуть на каменистые склоны, но соскользнул и остался ютиться у подножия. Джеймс подошёл к массивной железной двери, что была вмонтирована в скалу. С усилием несколько раз провернул заржавелое колесо засова. Дверь гулко скрипнула и ползуче открылась. В темноте пещеры стояла Она. Позади толпились испуганные и бледные силуэты.

– Я ждала тебя...

– Спасибо тебе, моя родная... Пойдём, я приготовил тебе подарок. Вот он! Весь этот мир теперь наш. Давай сделаем из него что-нибудь хорошее в этот раз...